

**ВТОРАЯ МИРОВАЯ
И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА:
ЭХО СОБЫТИЙ
(материалы круглого стола)**

Участники круглого стола — стажеры-исследователи международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога:

*П. А. Блиникова, А. А. Гуринский, А. А. Доронина, И. Ю. Ильин,
Ю. В. Клепикова, К. А. Мартемьянов, Д. А. Морозов, И. И. Павлов*

В современном дискурсе о войне и практиках культурной памяти (Cultural Remembrance) события военного прошлого осмысляются новыми поколениями иначе, ибо они не были их участниками, а те, кто воевал и даже слышал живые рассказы о «той войне», уходят. Их осталось немного. Живая нить памяти рвется. В контексте западной культуры «мест памяти» появился концепт «постпамять», характеризующий третье и далее поколения. В нем находят новое содержание и отношение к событиям прошлого современные молодые европейцы. Редакция журнала предложила сегодняшним студентам, магистрантам и аспирантам вопросы о «прошедшей войне», чтобы понять, как она помнится, переживается, вспоминается здесь, в России.

1. Со времен Гераклита известно, что «Война (Полюмос) — отец всех существ, и царь всех существ: одних она являет богами, других — людьми, одних творит рабами, других — свободными» (Фр. 32 / В 53). Эпическая поэма о Троянской войне («Илиада») спустя тысячелетия находится среди обдумываемых и обсуждаемых текстов. В чем дело? В важности военной темы? Или в особой трактовке войны? Какова же эта трактовка?
2. Россия за последние 250 лет пережила много войн. Четыре (наполеоновская, Первая мировая, Гражданская и Вторая мировая), грандиозные по масштабам, воедино связали судьбы России и Европы, несмотря на явные противоречия. Об этом писали поэты, философы, историки. Почему это единство не стало политическим фактом? Почему Россия в наполеоновском нашествии и в гитлеровском, захватившем всю Европу, оказалась стеной, о которую разбились волны нашествия?
3. Писательница Светлана Алексиевич, лауреат Нобелевской премии, не раз повторяла, что «Россия живет в испарениях Второй мировой войны, которую она называет Великой Отечественной». Так ли это? А если так, то какова тому причина?

4. Знакомы ли вы с таким явлением, как «лейтенантская проза», и как к нему относитесь? Читали ли вы когда-нибудь произведения В. Гроссмана, В. Астафьева, А. Бека, Ю. Бондарева, Л. Брежнева, В. Быкова, Г. Бакланова и др.?
5. Кто из ваших родных (или близких) участвовал в Великой Отечественной войне? Бытуют ли в вашей семье легенды, связанные с этим родственником (знакомым)? Хранятся ли письма, личные вещи, портреты? Каковы тому причины?
6. Прошли ли вы увлечение военными песнями В. Высоцкого, Б. Окуджавы, Ю. Визбора, А. Галича? Почему они казались глотком свободы в мирные 1960–1970-е гг.?
7. СССР купил победу огромной ценой — миллионами убитых и раненых. Вы считаете эту цену оправданной? Как вы относитесь к современным общественным деятелям, стремящимся побудить народ к героизации трагедии за счет ослабления внимания к потерям и сломанным человеческим судьбам? Как следует писать историю Великой Отечественной: как хронику побед — или поражений — или потерь?
8. Как вы относитесь к существующим в западном обществе тенденциям нивелировать роль СССР в победе над нацизмом? (Имеются в виду высказывания, согласно которым нацизм победили англо-американские силы.)
9. Можно ли предотвратить войну? (Переписка Эйнштейна и Фрейда)

П. А. Блинникова:

1. Мне кажется, что война в данном контексте должна трактоваться в первую очередь не как военные действия, а как состояние, в котором пребывает человеческое общество. Война не обязательно должна быть кровопролитной или даже явной. Она может быть скрытой и длиться долгое время, без активных действий — такая трактовка войны помогает описать положение человека в обществе. Например, Томас Гоббс был убежден, что человек в естественном состоянии, до заключения общественного договора, находится в состоянии войны всех против всех (*bellum omnium contra omnes*). И если мы принимаем такую точку зрения, то становится очевидно, что война в данном случае не должна носить негативных коннотаций. Это естественный ход вещей, мир существует по таким правилам. При этом хочется отметить: это не значит, что у человека в принципе не может быть близких людей, на которых можно рассчитывать и полагаться. Ведь в любой войне могут быть союзники и товарищи по оружию, которым не страшно довериться, даже когда речь идет о собственной жизни. Такая трактовка войны позволяет понять, почему она «од-

них творит рабами, других — свободными»: человек сам выбирает себе роль, а война — только ситуация, в которой проявляются все его истинные качества. Может быть, он никогда и не сделал бы выбор, если бы не подтолкнули обстоятельства.

2. Я считаю, что единство России и Европы не стало политическим, потому что у России всегда был собственный путь и представление о своем положении в мире. В ходе войны 1812 г., как и в ходе Второй мировой, действия России на территории Европы носили освободительный характер. Как мне кажется, даже не стояла цель насильственно захватить независимые государства Европы, поскольку в таком случае захват не отличался бы от вражеского. Россия же в обоих случаях входила в войну после покушения на ее территории. Для нее эти войны изначально были оборонительными, а не наступательными. Она не выступала агрессором. Единственный ответ на вопрос, почему Россия оказалась стеной, о которую разбились волны этих нашествий, — это самоотверженность и отвага граждан. Для людей Отечество оказалось важнее собственной жизни. Именно поэтому они смогли одержать победу.
3. Я не могу полностью согласиться с высказыванием Светланы Алексиевич. С одной стороны, до сих пор Россия часто вспоминает Великую Отечественную войну, уделяет ей особое внимание. Но, как мне кажется, это происходит потому, что война стала настоящей трагедией для страны, понесшей немалые потери. Наверное, нет ни одной семьи, на которой война не оставила бы отпечаток. У кого-то родственники ушли и не вернулись, кто-то оказался в оккупации, кто-то в лагерях. Эти ужасные события происходили не так давно, чтобы было возможно забыть о них. Поэтому так важно не забывать о событиях Великой Отечественной войны — не только чтобы почитать память героев, но и чтобы новые поколения помнили: допускать войну нельзя. Это действительно страшно. С другой стороны, на данный момент уже даже не существует государства, осуществлявшего военные действия во время Великой Отечественной. Современная Россия пытается идти своим путем, политический строй был изменен, экономические отношения также пережили немало изменений. На данный момент это уже другая страна. Но, как мне кажется, чтобы идти в будущее, необходимо помнить и чтить прошлое.
4. С таким явлением, как «лейтенантская проза», я познакомилась еще в школе. Это — повествования участников Великой Отечественной войны, без прикрас и от первого лица. Война оставила в сердцах людей тяжелый след, страна восстанавливалась, училась заново жить мирно. Но и забыть пережитое никто не мог. Писатели делились фронтовым опытом. Главным героем в их произведениях был человек с его чувствами, переживаниями, с героизмом без бравады и напыщенного псевдопатриотизма и пропаганды. Человек, защищавший

свою семью, дом, Отчизну. Это явление было неизбежно и очень важно в поствоенный период. Оно показывало единство страны и давало людям надежду на будущее. Я читала произведения Бориса Васильева «А зори здесь тихие», «Завтра была война», «В списках не значился» и Александра Твардовского «Василий Теркин». Рассказы от первого лица, горькая правда войны, через которую прошли авторы. Я помню, что после прочтения еще долго находилась под впечатлением. Не верилось, что человек способен на такие поступки. Главные герои некоторых произведений были моими ровесниками. Страшно осознавать, что этим детям пришлось так быстро повзрослеть. Их жизнь изменилась мгновенно, война разделила ее на две совершенно разные части. Уже никто не думал о счастливом детстве, приходилось видеть все ужасы войны. Читая произведения, чувствуешь, что автор писал о чем-то до боли знакомом, не надуманном, хотя порой кажется, что ни один человек не способен пережить подобное.

5. Мой дедушка и его семья во время Великой Отечественной войны находились на оккупированной территории, прадед Василий служил на железной дороге. В их доме жили фашисты, а хозяев с детьми оставили жить в сарае. Прадед рассказывал моей маме в детстве, а мама в свою очередь мне, что самое его страшное воспоминание — это когда фашисты жгли села при отступлении в конце войны. Ему с напарником повезло, они укрылись у железнодорожного полотна, присыпав себя землей, и так остались живы. А многих жителей соседнего села согнали в бывшее зернохранилище и сожгли.

Второй мой прадед, Иван, был призван на фронт в феврале 1942 г., дома осталась его престарелая мать, жена и пятеро детей. Он никогда не любил говорить о войне, и когда его просили внуки, ничего не рассказывал. Прадед с Белорусским фронтом дошел до Вены и вернулся домой в конце 1945 г. С войны он привез самодельную солдатскую ложку, с его слов, ложку перед боем отдал ему сослуживец, который в бою погиб. Он же сберег ее на войне и пользовался ею до конца жизни. И относился к ней как к оберегу. Уже после его смерти, в наши дни, мы узнали о его подвиге, за который прадед награжден медалью «За отвагу». 27 марта 1945 г. при освобождении города Гдыни в Польше он служил в артиллерийском расчете сорокопятки¹. Когда наводчик орудия погиб, прадед заменил его, не допустив прекращения огня.

Наша семья очень гордится ими. Они не только пережили самые тяжелые годы войны, но и достойно прожили в мирные годы. Мы бережно храним их фотографии, медали и грамоты, которые были выписаны им за проявленную отвагу.

¹ 45-мм противотанковая пушка образца 1937 г., индекс ГАУ 52-П-243-ПП-1 — советское полуавтоматическое противотанковое орудие калибра 45 миллиметров. *Здесь и далее прим. авторов.*

6. Мне всегда нравились военные песни, например «Священная война», в них чувствуется мощь и сила народа. Когда ты слышишь такую музыку, на теле невольно появляются мурашки. Что касается песен послевоенного периода, так называемой оттепели, то они никогда не производили на меня подобного впечатления, поэтому я не могу сказать, что когда-либо увлекалась ими. Но мне кажется, что в тот период людям был необходим «свежий воздух»: они только начали привыкать к мирной жизни, появлялись дети, которые никогда не видели войны. Людям не хотелось думать об ужасах. Поэтому и музыка должна соответствовать духу времени, помогать человеку двигаться дальше. Выстраивать заново не только страну, но и свою жизнь. Показать, что надежда на светлое, мирное будущее есть.
7. Я не могу судить об оправданности цены такой победы. Могу быть только безмерно благодарна всем людям, внесшим свою лепту в великую победу. Я считаю, что у СССР не было другого выбора, если бы не эта победа, никто не знает, как развивалась бы история. Мне кажется, что неотъемлемой частью любой победы является и процесс, приведший к ней. Ни в коем случае нельзя забывать о потерях. Мне не кажется, что в какой-то мере ослабляется внимание к цене победы. Когда мы говорим о Великой Отечественной войне, мы всегда вспоминаем и о погибших, о попавших в лагеря, о находившихся в блокаде, о тружениках тыла. Без всего этого мы не смогли бы говорить о великой победе народа. Любую историю, на мой взгляд, нужно писать честно. Не стоит выделять какой-то один из аспектов: объективность — вот чего так часто не хватает при написании исторической хроники.
8. Конечно, я отношусь к подобному отрицательно, по причине, которую указывала выше. Подобное вмешательство в историю лишает ее объективности. Историю стоит писать правдиво, какой бы неудобной правда не была. К сожалению, по моему мнению, на подобное «исправление» истории во многом влияет современные политические отношения России и США, хотя это не имеет никакого отношения к событиям Второй мировой войны.
9. Известная переписка двух интеллектуалов XX в. А. Эйнштейна и З. Фрейда по вопросу о неизбежности войны 1932 г. была опубликована в 1933 г. Как мы понимаем, в то время вопрос стоял уже достаточно остро. Многие предчувствовали катастрофу. То, говорится в переписке, по моему мнению, пересекается с рассуждениями в ответе на первый вопрос из предложенных: проблема решается властью, то есть силой. При этом в обычной жизни конфликты между людьми тоже решаются силой (не обязательно физической). Фрейд также говорит, что даже в рамках одного сообщества не удастся избежать силового разрешения. Поэтому неудивительно, что подобные конфликты интересов, происходящие на уровне государств, мирным путем разрешить

еще сложнее. Каждое государство — особый центр силы. Фрейд отмечает: «Надежное предотвращение войн возможно лишь в том случае, если люди объединятся для введения центральной власти, которой передадут право окончательного решения во всех конфликтах, вытекающих из различия интересов». То есть необходимо, чтобы все люди выразили приверженность какой-то надгосударственной структуре, которая могла бы управлять всеми государствами и контролировать их. Именно она теперь должна сосредоточить в себе верховную власть. Но, как мне кажется, ни одно государство не готово к тому, чтобы передать свою власть какой-то новой структуре. Эйнштейн отдельное внимание уделил тому, что людей по всему миру быстро охватывает «военная истерия». Он считал, что это может быть обусловлено наличием в человеке инстинкта ненависти и уничтожения. Фрейд согласился, что это действительно так: «Живое существо, если можно так выразиться, сохраняет свою жизнь тем, что разрушает чужую».

Таким образом, Фрейд приходит к выводу, с которым я согласна: желание лишить человека агрессивных наклонностей практически неосуществимо. Впоследствии об этом будут писать и другие психологи, например Юнг. Он был убежден, что архетип Марса (бога войны) содержится в каждом подсознании. Однако Фрейд видел надежду в развитии культуры. Он отмечал, что основная черта развития культуры — усиление интеллекта, который начинает подчинять себе сферу влечений. Таким образом, получается, что установки культуры вступают в противоречие с войной. Пацифисты, например, не могут воспринимать войну не только на эмоциональном и интеллектуальном уровне, но даже на физическом. Поэтому единственное возможное решение: все люди должны стать пацифистами. Фрейд считает: «...под воздействием обоих факторов, влияния культуры и оправданного страха перед последствиями будущей войны, еще в обозримое время будет положен конец войнам» (Фрейд, 1992: 325–337). Следовательно, только развитие культуры может повлиять на прекращение войн.

На данный момент прошло уже 88 лет с момента переписки Эйнштейна и Фрейда, но мы до сих пор не пришли к тому, чтобы закончить все войны. Постоянно в разных уголках земного шара вспыхивают вооруженные конфликты. Мне кажется, что такой уровень развития культуры всех стран, когда все жители планеты станут пацифистами, к сожалению, недостижим.

А. А. Гиринский:

1. Античная философия различала полемос (войну эллинов с варварами, которая считалась благородной) и распрю (борьба греков между собой). Первая законна и желательна, вторая должна быть сведена к минимуму и подчинена набору правил. Так возникает понятие справедливой войны и правил ее ведения, которое получит важное оформление в римском юридическом контексте, а потом и в христианской философии политики. В Новое же время происходит секуляризация тематики войны, в результате чего она определяется как насильственный конфликт. О насильственной природе любой войны много говорит крупнейший теоретик новоевропейской войны — Карл фон Клаузевиц. Для более подробного обзора темы необходим другой формат, но можно ограничиться простым тезисом. Война с античного времени является, с одной стороны, важным инструментом, с помощью которого цивилизация распространяет себя и свою культуру, что мы можем видеть уже в античном варианте войны как полемосе. С другой стороны, война — механизм обновления элит, государств, а также в Новое время — одна из форм, в которой впервые начинает происходить кодификация насилия. Особенно важен в этом смысле XIX в.: именно тогда были заложены основные нормы международного права, касающиеся практик ограничения насилия (жневские конвенции, гаагские декларации и др.)
2. Россия для западного сознания — универсальный Иной, Другой, элемент, который не может быть полноценным элементом западной культуры. Причины многообразны — от религиозных (греческий, а не латинский обряд) до политических. Несмотря на то, что начиная с Петра Россия является полноценным участником европейской политики, а также европейской страной в смысле титульной культуры, напряжение не ослабевает и усиливается в сложные моменты истории. К тому же Россия с XIX в. — основная консервативная сила европейской политики, что наиболее ярко проявилось в период после наполеоновских войн («жандарм Европы»), тогда как большинство основных стран Европы начиная с Французской революции выступали как силы модерна, что наиболее полно раскрылось именно в Отечественной войне 1812 г., где модернистская объединенная Европа сражалась с своим консервативным полюсом, с Россией. События XX в. не поменяли этого отношения. Несмотря на то, что в Октябрьской революции в России победили именно радикальные «западники», представители модернистской идеологии, накопленное за века базовое недоверие оказалось сильнее. К тому же радикальный модернизм в советской политике продержался недолго, сменившись сталинским консервативным неоимперским поворотом.

3. В выражении Алексиевич слово «испарение» употреблено, по всей видимости, в негативном значении. Но, думаю, сам по себе этот факт нейтрален. Современная Россия является правопреемником СССР, а СССР стал «великой державой» именно по результатам Второй мировой. Кроме того, 9 Мая, по сути, дата рождения советской нации, а российская нация в массовом сознании также отмечает преемство с советским народом. Стоит добавить, что международное политико-правовое положение России определено именно результатами Второй мировой (в первую очередь ее место в Совбезе ООН как ветоигрока), а также ялтинско-потсдамской системой миропорядка. Этими вполне прагматическими причинами объясняется особая роль Великой Отечественной войны в современной государственной идеологии.
4. Конечно, знаком. Не всех авторов из приведенного списка я читал. По совету моего деда, ветерана войны, я читал прозу Виктора Астафьева, для меня его книги являются ярким примером этого жанра. Конечно, читал «Жизнь и судьбу» Василия Гроссмана, один из самых тонких, философских романов о XX в., на мой взгляд. Читал рассказы Бондарева и военные повести Быкова, еще в школе, но с тех пор не перечитывал.
5. Мой дедушка по маминой линии участвовал в Великой Отечественной войне, получил тяжелое ранение в руку, до самой смерти (он умер два года назад, дожив до 92 лет) пальцы на руке у него были частично парализованы. Его отношение к войне было близко как раз мотивам «лейтенантской прозы», изложение войны у Астафьева (роман «Прокляты и убиты») он называл правдивым и честным. Никогда о войне подробно не рассказывал, медали хранил в тумбочке, редко их доставал и никогда не носил. В силу такого его отношения к войне в семье у нас редко кто о ней заговаривал и никакой особой «вещественной памяти» на эту тему не сложилось.
6. Конечно, в студенческие годы, на волне романтической поры юности, я увлекался в первую очередь лирикой В. Высоцкого, Б. Окуджавы и Ю. Визбора. Несомненно, знаком и с военной тематикой их творчества, но в меньшей степени. «Глотком свободы» их творчество казалось потому, что это был способ неофициозного, неидеологического разговора о войне и о судьбе поколения, которому выпала эта доля. Он и сегодня сохраняет ценность.
7. Любой разговор о «цене войны» считаю идеологическим и не считаю нужным высказываться на эту тему, потому что ответ на этот вопрос сразу маркирует отвечающего как «либерала», «сталиниста», «националиста» и т. д. Мне хотелось бы, чтобы история войны писалась историками исключительно ради научных целей. Что касается восприятия войны в массовом сознании, считаю, что должно пройти еще много лет, пока общество и интеллигенция созреют для непредвзятого и спокойного разговора, причем не только о войне, но и о революции 1917 года, коллективизации, перестройке, распаде СССР и многих

других узловых событиях XX в. Умеренности и нейтральности в том смысле, о котором говорил Макс Вебер в работе «Наука как призвание и профессия», сегодня очень не хватает.

8. Западное общество разнородно, и тенденции там различны. Наиболее агрессивно к советско-российской версии итогов Второй мировой настроены страны Восточной Европы и Прибалтики, что закономерно и в масштабах истории последних веков не ново. Элиты этих стран сегодня строят национальные государства и национальную память через отрицание XX в. и общей с Россией истории. Для их риторики характерны национализм, атлантизм и демонизация России, возложение на нее ответственности за «советский репрессивный режим». Однако нужно отличать высказывания политиков и крикливых публицистов от оценок ученых. Думаю, что в научном сообществе возможен диалог, и он идет сегодня, надеюсь, что результаты окажут влияние и на массовое сознание, но, скорее всего, в очень отдаленной перспективе. Второй важный аспект заключается в том, что если для России 9 Мая является праздником, конституирующим нацию, то для западных стран эта дата связана лишь с окончанием периода фашизма в Европе, которому, как мы знаем, были подвержены многие европейские страны, не только нацистская Германия, и думаю, что европейцы до сих пор тяжело психологически и политически переживают эти страницы своей истории. В целом этот вопрос очень интересный и объемный, давно меня занимает, и можно было бы порассуждать дальше, более обстоятельно, но в другом формате.

9. Переписка Фрейда и Эйнштейна, на мой взгляд, конечно, является интеллектуальным памятником определенной эпохи, но не более того. Ведь переписка построена в основном по принципу «вопрос — ответ», где Эйнштейн задает вопросы Фрейду. Ответы же Фрейда даны на языке его теории об Эросе и Танатосе, которая не кажется мне интересной и актуальной сегодня, так как психоаналитический способ описания культуры и личности в научном пространстве дискредитирован.

Основной ответ Фрейда можно свести к простому тезису: инстинкту разрушения противостоит инстинкт любви, то есть в широком смысле — объединения и солидарности (Эрос), основания которого Фрейд видит и в половом влечении, и в религиозной заповеди «Возлюби ближнего своего» и т. д.

Хочу, кстати, напомнить, что левые интеллектуалы послевоенной эпохи возлагали большие надежды на солидаризирующую и освобождающую функцию Эроса, например об этом много писал Герберт Маркузе. Итогом этого стало движение хиппи и студенческие протесты конца 1960-х гг. Не берусь давать идеологические оценки явлениям, но очевидно, что от войн это человечество не уберегло.

А. А. Доронина:

1. Гераклитовское понятие полемоса имеет, на мой взгляд, отдаленное отношение к войне, если мы понимаем ее как вооруженный конфликт между людьми. Однако нельзя не отметить, что любой конфликт имеет основанием экзистенциальное противостояние или борьбу, во всяком случае, тот конфликт, который может закончиться убийством. Может показаться, что сентенция Гераклита носит исключительно метафизический характер. Но если принять во внимание факт, что войны сопровождают человечество на протяжении всей истории, и сделать допущение, что у вражды есть основание в природе человека, то это позволяет нам трактовать полемос более широко: возможна ли некоторая философия или метафизика войны?

У войны множество определений, и они меняются со временем, однако неизменным остается ее центральное ядро — ориентир на уничтожение иного, другого, врага... До тех пор, пока человек будет усматривать в других врага, войны не прекратятся. Хотя мы давно осведомлены о сдерживающих факторах и пользуемся ими.

2. Взаимообогащение России и Европы в отношении культуры, искусства, литературы очевидно, и никакой политической фактор не сможет этого изменить. Так называемая политическая разобщенность России и Европы является скорее спекуляцией политиков и др., не принимающих во внимание материи более тонкие. Если педалировать различия России и европейских стран, усугубляемые конфликтами между ними, следует заметить, что немаловажную роль в обособлении играет и сама Россия. В отношении сравнения России со «стеной, о которую разбились волны нашествия» в указанных конфликтах, можно заметить, что Россия, защищая себя, защищала и Европу.

3. На мой взгляд, утверждение Светланы Алексиевич звучит слишком сильно и не имеет под собой достаточных оснований. Хотя нельзя не отметить, что тема Великой Отечественной войны в России во многом политически ангажирована.

4. Мне хорошо знакомы произведения Василя Быкова, Виктора Астафьева, Бориса Васильева. В средней и старшей школе мы читали и обсуждали рассказы и повести этих писателей. Тогда эта литература стала для меня источником, способствовавшим хотя бы частичному приближению к пониманию войны. «Личная» война, рассказанная от первого лица, поражала больше любого эпоса.

Я думаю, что до того, как знакомиться с «лейтенантской прозой» в целом, определять ее, выявлять критерии, по которым работы того или иного писателя относятся к этому явлению, следует узнать отдельного автора, обратиться к человеку, его произведению и вступить в диалог с ним. Это особенно важно, когда произведение носит мемуарный характер.

5. Мой прадед по линии матери Петр Георгиевич Головачев и два его брата участвовали в Советско-финской войне, а в июне 1941 г. были призваны на Великую Отечественную. Уже в декабре 1941 г. бабушка получила письмо, что дед пропал без вести.

Со стороны отца прадед Петр Григорьевич Горячков также был призван и пропал без вести в ноябре 1942 г.

Много воспоминаний о военном времени хранит и передает нам моя бабушка, которой в 1941 г. было одиннадцать лет. От нее я знаю о работе в тылу, о голоде, городских военных патрулях, встречах с дезертирами и других страшных и едва понятных нам сейчас вещах.

Память о прадедах, воспоминания бабушки дороги нам, насколько может быть дорога память истории семьи.

6. С военными песнями я знакома лишь опосредованно благодаря советским военным фильмам и ввиду их большой популярности у старшего поколения.

Популярность их могу объяснить тем, что поэтический язык позволял выражать то, что не было принято говорить открыто. Вернувшиеся с войны уже не хотели и не могли жить как прежде. Распространение песен через радиотрансляции и поэзии — в самиздате делало их доступными для широкой публики или диссидентствующей интеллигенции, а выражение авторского, личного, отвлеченного, в отличие от общего и абстрактного, — понятными каждому.

7. С течением времени личные истории участников войны воспринимаются иначе, чем непосредственно после войны. Носители живого опыта уходят в прошлое, остается все меньше свидетелей тех событий. Безусловно, это влияет на форму памяти. Именно поэтому мне представляется важным сохранение личной памяти, личных историй, с деталями, эмоциями, что условно можно отнести к области так называемой *Alltagsgeschichte* (истории повседневности). Полотно истории должно быть живым, описывать реальный экзистенциальный опыт свидетелей событий. Поэтому вопрос, как писать историю войны, является вопросом о том, как не упустить что-либо, сделать все возможное, чтобы сохранить максимальное количество личных историй.

8. На мой взгляд, эти высказывания являются спекуляциями политически недобросовестных людей, готовых решать сегодняшние проблемы за счет переоценки прошлого. История не точная наука, и в этом ее слабость: факты можно интерпретировать по-разному. Всегда есть риск, что интерпретация будет обусловлена субъективным отношением исследователя к предмету.

9. Решение проблемы предотвращения войны Эйнштейн формулирует в следующей аксиоме: международная безопасность может быть основана на международном праве, то есть на ограничении национальных свобод и суверенитета стран мира. Однако достижение этой политической цели сталкивается с пси-

хологическими факторами, которым человек фактически не может противостоять. Фрейд, в свою очередь, находит основание для борьбы с этими психологическими факторами: войну можно предотвратить при помощи культуры. Развитие культуры (цивилизации) — источник «нашей ненависти к войне». Таким образом, инстинкт вражды может быть сдержан развитием культуры, но не может быть искоренен.

И. Ю. Ильин:

1. «Илиада» с «Одиссеей» важны потому, что являются неотъемлемой частью дошедшей до нас эпической культуры. Эпос, как мы знаем, не только прото-философская реальность, но и смыслообразующий центр Античности, в котором «греки становились греками» (М. К. Мамардашвили). Понятно, что война, неотъемлемо сопровождающая человечество на всех этапах его существования, — это эпический феномен *per se*. На войне обнажаются базовые и предельные структуры человеческой экзистенции: становится действительно ясно, кто — раб, а кто — свободный.
2. Россия — один из активно действующих субъектов на европейском политическом поле со времен как минимум Петра Первого. В этом смысле ее участие в Отечественной, а также в двух мировых войнах действительно навсегда вписано в ткань общеевропейской истории. Вместе с тем понятно, что объединяющая линия не может ограничиваться той или иной сопричастностью трагическим процессам, пусть и мировой значимости. Предпосылки для единства стоило бы искать глубже — в базовом отношении человека к человеку. В то время как Европа пошла по пути формулирования и усвоения прав человека, мы занимались тем, что определяли себя через включение в те или иные общности и коллективы.
3. Речь, на мой взгляд, нужно вести о том, что победоносный дискурс год от года лишь раздувается, причем, с одной стороны, зачастую искусственно и неэффективно. Искусственно — потому что, транслируясь «с головы», он растекается локально в масштабах, несопоставимых с реальным интересом и запросами «снизу». Как следствие — неэффективность: в условиях, когда каждому нужно что-то сказать и что-то организовать, возможностей для качественной, нехалтурной работы остается мало. Отсюда все эти курьезы, когда на поздравительные баннеры ставят фото немецких танков и американских самолетов. С другой стороны, дискурс раздувается в совершенно определенных целях — как ключевой элемент построения постсоветской идеологии в современной России. В этих условиях никого по-настоящему не интересуют оставшиеся в живых ветераны, которым вместо обещанных квар-

тир дарят наборы подгнивших продуктов, зато всех привлекает нарратив, который можно в собственных целях выстраивать вокруг события Победы.

7. Историю следует писать непредвзято. Это, конечно, звучит утопически. Мне кажется, более или менее правильной стратегией здесь будет писать ее через фокус первостепенного внимания к человеку и к человеческому. Кстати, Алексеевич, упомянутая выше, пытается заниматься этим, выстраивая повествование из отдельных лоскутов свидетельств и личных микронарративов. Полностью избавиться от предвзятости, наверное, невозможно, поскольку интерпретация (на всех этапах и в особенности на первом: в отборе материала) всегда личностна, но, конструируя полотно устами разных героев, мы хотя бы приближаемся к какой-то целостности (не путать с тотальностью).
8. Если историческая справедливость существует, то подобные феномены против нее согрешают. Вместе с тем — по-человечески — они, кажется, понятны. Речь вряд ли идет о сознательном нивелировании чьей-то чужой роли, скорее это попытки как можно более гладко определить свою. Американцы будут в первую очередь говорить об американцах, французы — о французах, а мы — о себе. Не оправдывая факты сознательного искажения истории, хотелось бы тем не менее призвать проверить свой глаз на наличие бревна: как часто мы сами говорим о действительной важности материальной помощи и поставок от союзников?
9. Войну предотвратить можно, если не смотреть на Другого как на «чужого», но — как на продолжение самого себя, а на себя смотреть как на конечное продолжение Божественного бесконечного, созданное по образу и подобию. Постоянное воспоминание о собственной ограниченности если и не сведет на нет возможность войны, то хотя бы замедлит движение от Канта к Круппу.

Ю. В. Клепикова:

- 7, 8. Вопрос пересмотра итогов Второй мировой войны и роли СССР в победе над фашизмом можно рассматривать в разных ракурсах: например, в ракурсе разоблачения советской пропаганды и логического продолжения декоммунизации или, напротив, в ракурсе длящегося веками противостояния Российской империи с тем, что сегодня принято называть коллективным Западом, о чем писал Достоевский в «Дневнике писателя».

Если допустить, что это противостояние в ходе истории приобретает различные формы, то пересмотр вклада Красной армии в победу во Второй мировой войне может рассматриваться как проявление одной из таких тенденций.

Почему в начале XXI в. актуальность этой темы максимизирована, мировые СМИ, интернет-ресурсы и правительственные сайты ряда европейских стран

гиперболизируют вклад Великобритании и США, а СССР неуклюже и вскользь упоминается в составе союзнических войск, представляя в новой исторической реальности разоблаченным агрессором?

Почему объектом информационной атаки избрано столь значимое событие в новейшей истории СССР и России как его правопреемницы?

Самые чувствительные к проблемам справедливости дискуссанты могут утверждать, что дело не в России или, наоборот, только в ней — в нарушительнице послевоенного миропорядка, поправшей нормы международного права в 2014 или в 2008-м или ранее, а возможно, всегда.

Исходя из подобных соображений, любые фундаментальные интегрирующие исторические события, которые представляют предмет гордости многих россиян, для «объединенного Запада» становятся целью первоочередного уничтожения.

С трудом можно представить ревизию событий Второй мировой войны вскоре после ее окончания или, к примеру, даже лет через 20 после выступления на Нюрнбергском процессе государственного обвинителя СССР Р. А. Руденко.

Для поиска ответов на поставленные вопросы, без перевода дискуссии в историко-политическую плоскость, рассмотрим некоторые особенности американской философии.

Вплоть до 1830-х гг. в США не было профессиональных философов. Ранние американские философы термин «философия» применяли для различных видов духовно-практической деятельности, чуть позже произошло смешение предметов философии и психологии, что нашло отражение в творчестве У. Джеймса и Дж. Ройса. Парадоксы американской философии сказались и на формах философствования. Так, широкое распространение (на разных этапах развития американской философской мысли) получили проповеди, исторические хроники, политические памфлеты. Но наиболее характерным признаком американского менталитета явилась философия прагматизма, который констатирует не «полезность истины», а истинность того, что полезно (Джон Дьюи, Джорж Мид). Характерно, что прагматический подход укоренился и в американской философии образования (упор на узкую специализацию).

Известным, типично американским, соединением философии и психологии стал бихевиоризм (Джон Бродес Уотсон). Но даже при нарастании в XX в. авторитета и влияния американской аналитической философии «национальной» философией, борющейся за демократию, либерализм и гуманизм, был и остается прагматизм. Формирование полезной (в том числе для реализации политических интересов) истины в целом находится в поле теоретических философских исследований.

Если самым поверхностным образом рассмотреть какие-либо еще теоретические идеи американских философов, среди действенных окажется кон-

цепция оправданного своевременного действия (в политических целях), с последующей (а не предшествующей действию) их легитимизацией в обществе, а также концепция информационной реальности «не было того, о чем не сказано в новостях».

Бессмысленно спорить о том, что мощь информационно-психологического воздействия на все слои общества в настоящее время существенна и способна ставить под сомнение любой факт (включая исторический).

Внедрение в сознание человечества новой версии событий середины XX в. и ревизии событий Второй мировой войны в духе столкновения двух равнозначных тоталитарных режимов, нацизма и сталинизма, где Российская Федерация — агрессивный наследник одного из них, является безусловно полезным идеологическим подспорьем для укрепления США как единственного и абсолютно легитимного лидера в мире.

Х. Болдуин, американский историк, фиксирует одиннадцать «великих кампаний» (сражений), решивших исход войны. Среди них «Маркет Гарден» в Голландии, битвы за Мидуэй и др. В то время как из победоносных битв Красной армии упоминается только битва за Сталинград. Другие интерпретации решающих битв, предложенные немецкими историками Г. Якобсеном и Г. Доллингером, аналогичны американским с поправкой лишь на количество поворотных пунктов войны, то есть советско-германский фронт в современной мировой исторической науке явно занимает второстепенное место, несмотря на масштабный театр военных действий и другие абсолютные величины: количество вовлеченных в сражения военных, единиц техники, стран, на территории которых фронтом (фронтами) велись военные действия, превосходящие масштабы всех выше обозначенных решающих битв.

Но почему современные элиты целого ряда стран, а особенно государств постсоветского пространства, заинтересованы в том, чтобы доказать миру: решающая роль в достижении коренного перелома во Второй мировой войне принадлежит только западному сообществу?

Может, по той же причине, по которой подавляющим большинством западных историков деликатно обходится факт участия целого ряда стран (Италия, Венгрия, Румыния, Словакия, Финляндия, Норвегия, Хорватия, Австрия, Испания, Дания) на стороне нацистской Германии в походе на Восток?

Может быть, потому, что безусловно пострадавшие в эту войну Чехия, Украина, вся Прибалтика, Польша, будучи освобожденными от фашистов армией СССР¹,

¹ Всего в освобождении стран Центральной и Юго-Восточной Европы участвовало около 7 млн советских солдат и офицеров. За освобождение стран Европы от фашизма отдали жизни: в Польше — 600 тыс. советских воинов; Чехословакии — 140 тыс.; Венгрии — свыше 140 тыс.; Румынии — 69 тыс.; Восточной Германии — 102 тыс.; Австрии — 26 тыс. (Источник: Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 325–326; Великая Отечественная война. Вопросы и ответы. М., 1984. С. 419).

мыслят, а главное, прогнозируемо действуют в заданной Эриком Хоффером философской рамке¹?

В любом случае новая историческая правда удобна для перехода ряда стран из побежденных союзников гитлеровской Германии (особенно добровольных) в разряд жертв войны, развязанной сразу двумя империями зла.

Даже в отечественных, российских, учебниках истории с 1990-х гг.² зияет пустота — там нет разоблачения Мюнхенского стовора, расчленившего Чехословакию в 1938 г. (при этом искажается смысл и преувеличивается историческое значение германо-советского пакта 1939 г.).

Учитывая изложенное, невозможно не упомянуть используемый в гуманитарных практиках эпохи постмодернизма инструмент — принцип конвенциональной истины (Ж. А. Пуанкаре).

В буквальном смысле сейчас *истина* формируется заново, на наших глазах, вокруг исторических причин, событий и результатов Второй мировой войны.

Оказалось: договориться о том, что десятки миллионов уничтоженных человеческих жизней, выжженная в результате сотен победоносных сражений земля, страдания и слезы выживших в борьбе с фашизмом следует «вынести за скобки», выводя вклад союзников на первый план. Без тени смущения можно превозносить важность ленд-лиза и открытие второго фронта после явного перелома в войне в пользу СССР, максимизировать значение ковровых бомбардировок союзниками красивейших немецких городов, уже отвоеванных советскими войсками, вопреки цифрам, документам, историческим датам и свидетельствам очевидцев.

Остается риторическим вопросом: как противостоять масштабным инсинуациям³ в свой адрес? Благодаря чему все, что произошло, оказалось допустимым?..

¹ Здесь имеется в виду высказывание американского философа Э. Хоффера: «Человек, кусающий руку, которая его кормит, обычно лижет сапог, который его пинает».

² «Open Society Foundations» Дж. Сороса оказал услуги Минобразования России в виде финансирования выпуска учебников по истории для средних и старших классов. Что не может не придать сегодня ревизорам истории сил и надежды на достижение своих целей и уверенности в плохой информированности современного, нынешнего активного поколения россиян об исторических событиях того времени.

³ Утверждение об инициативной роли США в обсуждаемой исторической ревизии основано в том числе на заявлениях американских политиков и историков. В частности, Р. Смит отмечает, что США — творец победы. США возглавили борьбу союзников, а также «изгнали Гитлера с Запада и победили Японию». В 2008 г. президент США Дж. Буш заявил, что германский национал-социализм и русский коммунизм — два зла XX в.; 23 сентября 2009 г. польский Сейм принял резолюцию, в которой действия Красной армии в сентябре 1939 г. во Львове, оккупированном поляками городе Западной Украины, оценил как агрессию против Польши. В 2010 г. литовский Сейм ввел даже уголовную ответственность за отрицание оккупации Литвы СССР. В 2020 г. президент Украины В. Зеленский на встрече с польским коллегой А. Дудой обвинил СССР в развязывании Второй мировой войны наравне с фашистской Германией, рассуждая о «стоворе режимов».

Может быть, дело в непрагматичном подходе? В недостаточности образования? А может, в неоднократно высмеиваемом в русской литературе «преклонении перед Западом», в восприятии нами всего иностранного как заведомо лучшего?

Будут ли оставлены, наконец, в прошлом восхищенные взгляды на Запад, и появится ли надежда на собственный ресурсный интеллектуальный потенциал и культурную национальную самобытность?

Сколько печального опыта перенести, какую участь еще нужно принять России, чтобы общество смогло избавиться от описанных заблуждений?

Современный геополитический дискурс, демонизирующий Россию, замарывает доброе имя страны-победителя в истории XX в. Постепенно опрокидываясь в прошлое, современные политические события становятся историей (известны слова Н. В. Покровского о том, что история — это политика, опрокинутая в прошлое), написанной *поверх двадцати шести миллионов и шестисот тысяч жертв Великой Отечественной войны*, изредка и стыдливо называемой так самими нами.

А возможно, причина пересмотра итогов Второй мировой находится в области идеологии и пропаганды, где мы последние 30 лет оправдываемся и догоняем, забывая, что «истина — это кредитный билет, который имеет силу только в определенных условиях»¹.

Сознавая роль информации в современном глобальном обществе, скорость ее распространения, многообразие носителей и способов передачи, следует отдавать себе отчет: побеждает в актуальной реальности тот, кто сформировал и успел предъявить глобальной общественности свой контент-истину через максимальный пул информационных источников. Остальные существуют в субъективной реальности потребителей хорошо упакованного, чуждого для себя контента.

К. А. Мартемьянов:

1. На мой взгляд, причину столь исключительной важности гомеровской поэмы следует искать не только в том, что тема войны является основной. Уже сами греки не относятся к поэме исключительно как к средству передачи информации о столкновении ахейцев и троянцев. Они видят в ней источник народной

¹ Не будучи ярым приверженцем У. Джеймса, считаю, что для понимания действий и стратегии оппонента необходимо мыслить в его категориях. Академическая наука, преуспевающая в анализе особенностей современной эпохи постмодернизма, не подкрепляет практику соответствующими вызовам времени методами и средствами ведения идеологического диалога.

религии, первое и высшее явление поэтического языка, галерею национальных характеров, где многие оказались как бы моделями человека — его поведения в различных ситуациях, отношения к другу, врагу, предателю, богам и т. п.

Однако, разумеется, сами события, описываемые в поэме, нельзя обойти стороной. Сильное воздействие военных сцен «Илиады» на современного читателя обусловлено тем, что в них обнажаются вечные силы, которые можно назвать сущностью «человеческого» вообще — чувства ревности и жажды мести (Менелай), чувства скорби, вызываемые утратой сына (линия Гектор — Приам) или верного друга (линия Патрокл — Ахилл), стремление к увековечиванию себя и своих действий в памяти потомков (Ахилл), храбрость, трусость и т. п. Война бросает человека в ситуацию, которую в XX в. К. Ясперс назовет пограничной, и только так в человеке пробуждаются все спящие в повседневной жизни ресурсы. Этот факт можно романтизировать, как делал К. Шмитт, а можно никому не желать пробуждения таких ресурсов, но факт предельной интенсификации человеческого бытия во время войны, на мой взгляд, неоспорим. В связи с вышесказанным понятие «важность» применительно к военной теме можно сменить на «востребованность»: в поисках интенсивности жизненного опыта человек, особенно в комфортных условиях современности, не перестает возвращаться к теме войны, пусть даже она представлена через посредников в виде продуктов массовой культуры. Разумеется, образы войны и их кратковременное переживание (например, в кинозале) — отнюдь не единственный способ придать собственной жизни характер интенсивности.

«Разве мы не испытали сейчас, как невообразимая, страшная война, длившаяся из года в год, из года в год уходит, выбрасывается, вытесняется, исторгается, как по волшебству, из памяти целых народов и как эти народы, едва переведя дух, принимают искать в занимательных военных романах представление о своих же собственных недавних безумствах и бедах?» — с сожалением спрашивает рассказчик в повести Г. Гессе «Паломничество в страну Востока».

2. Единство в противостоянии общему врагу очевидно временное, существующее до тех пор, пока существует враг. У России и Европы всегда было мало шансов на крепкое политическое единство, и это обусловлено во многом культурными причинами. Достаточно вспомнить первое философическое письмо П. Я. Чаадаева, указывающее на скудость исторического бытия России на фоне Европы — письмо, пробудившее в А. С. Пушкине отчаянное желание перечислять поводы для национальной гордости. Какой вызов и сколько осуждения Европы слышится, к примеру, в словах о том, что «наше духовенство... никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве». Еще более неприглядно изображает католичество Достоевский

в «Легенде о Великом Инквизиторе», трактуя его, по сути, как анти-Христово дело, соблазняющее человека земным спокойствием (читай: духовным сном).

3. Смотря о какой России идет речь. О России в том виде, как она репрезентируется через государственные структуры, — безусловно. Ибо апелляция к войне и способы воспоминаний о ней — один из важнейших источников чувства народного единства. Мысль К. Шмитта в этом отношении до сих пор актуальна и, кажется, будет актуальна до тех пор, пока существует государство. Согласно шмиттианской логике, политическая общность как выражение единства народа возможна лишь тогда, когда имеется реальная возможность самостоятельного определения какой-либо иной политической общности как врага.

С другой стороны, Россия, представляемая большинством молодых людей, родившихся в 1990-е гг. и позже, — вряд ли живет в «испарениях» Второй мировой войны.

4. Из перечисленных читал только повесть Василя Быкова «Сотников», а также смотрел фильм Ларисы Шепитько «Восхождение», снятый по мотивам «Сотникова». Оба произведения произвели на меня сильное впечатление.
5. В Великой Отечественной войне активное участие принимал отец моей бабушки по папиной линии Иван Устинович Гринько. За время войны он совершил 129 боевых вылетов на бомбардировку скоплений боевой техники и самого противника, его аэродромов и оборонительных сооружений, уничтожив 16 танков, 97 автомашин, 21 зенитную точку, 19 артиллерийских орудий, 7 железнодорожных вагонов, 2 склада с боеприпасами, более 100 солдат и офицеров противника. В воздушных боях сбил 2 самолета.
6. Да, в возрасте от семи до 16 лет я очень любил песни В. Высоцкого и Б. Окуджавы, которые часто включал мне отец, пока мы ехали с моих спортивных занятий домой на машине. До сих пор помню мотивы таких песен, как «До свидания, мальчики», «Мы за ценой не постоим» (Окуджава), «На братских могилах» (В. Высоцкий). Из исполнителей нового поколения могу отметить Юрия Шевчука.
7. Мне кажется, в передаче знаний о Великой Отечественной войне нужно стремиться к трудному балансу между героизацией людей и демонстрацией ужасов войны. Я отрицательно отношусь к политическим или общественным деятелям, которые обращаются к военной теме исключительно как к средству манипуляции общественным сознанием.
8. Я отношусь к ним со скепсисом и, честно говоря, стараюсь не вникать в их аргументацию, потому что на данном этапе своей жизни не испытываю горячего желания переубедить, ввязываться в бесконечный диалог, интенция которого — в том, чтобы перетянуть одеяло на себя. Существование исторической науки, как и всякой, возобновляется благодаря новым гипотезам и их оспариванию.

9. Этот вопрос требует дополнительных разъяснений, и ответ на него в предельной степени зависит от ситуации. Безусловно, войну предотвратить можно, но лишь тем, чьи решения к ней привели. Если процесс войны уже, так сказать, запущен, то обычный человек оказывается как бы брошен в ситуацию войны, то есть он не в силах сделать бывшее не-бывшим, он может лишь принять ситуацию и сохранить в ней человечность.

Д. А. Морозов:

1. Война — явление, которое сопровождает человека на протяжении всей его истории. Я не совсем согласен с тезисом, что война никогда не меняется. Во многом она отражает социальные изменения, происходящие с человечеством, не говоря уже о технологическом прогрессе. Не так давно я прочитал книгу А. Д. Куманькова «Война в XXI веке» — масштабное исследование актуальной военной проблематики. В ней есть интересный тезис: особенности так называемых новых войн существовали в истории всегда, но только «единовременное действие всех этих особенностей позволяет проявиться феномену новых войн» (Куманьков, 2020: 124). История комбинаций четкого набора особенностей войны без принципиальных нововведений во многом отражает социальные изменения и колебания, происходящие в истории человечества. Мне кажется это крайне важной идеей. Война, как вечная спутница человечества, остается и будет оставаться в исследовательской оптике. Надежда на «вечный мир», о котором писал И. Кант, не угасает, но его достижение в ближайшей перспективе кажется невозможным. Пока же путь человечества сопровождается необходимым, правдивым и пугающим «зеркалом», смотря в которое, оно непрерывно видит свой облик.
2. Конечно, не только войны связывали Россию и Европу последние 250 лет. Думаю, что наша лаборатория ориентирована в контексте русско-европейского диалога как раз на поиск *связей*, а не *конфликта*, хотя последний играет большую роль в культурном взаимодействии. В вопросе мне видится интересный диалектический сюжет борьбы, которая не может завершиться снятием, — «волны» европейского нашествия разбиваются о стену. Под снятием здесь следует понимать факт политического единства, которого так и не произошло. Возможно, объяснение этому лежит в несопоставимости по разным критериям борющихся тезиса и антитезиса, ведь мы все же и сейчас говорим о русско-европейском взаимодействии. Сама формулировка крайне важна. Парадоксально, что война может способствовать диалогу в более широком смысле. Постоянный антагонизм помогает лучше понять себя через Другого. Во

всяком случае, после каждого из упомянутых конфликтов Россия исторически во многом переосмысливала себя. Так, Гражданскую войну, в которой не было эксплицитного противостояния с Европой, можно назвать радикальным опытом переосмысления последствий Первой мировой войны как одного из ключевых факторов, подтолкнувших к таким «размышлениям». Диалектическая борьба («отец всех существ» по Гераклиту) и понимание себя через Другого — два момента, которые представляют интерес в контексте антагонистической участи России и Европы.

3. Полагаю, что не только Россия живет так называемыми «испарениями», этот термин кажется мне не совсем удачным. В судьбе исторического народа есть ряд фундаментальных событий, через которые он заново понимает себя, чувствует преемственность собственной традиции. В словосочетании *Великая Отечественная война* отражается как раз собственная историчность, *Вторая мировая война* — выход на всеобщую историю. Полагаю, что для Великобритании и Франции таким событием стала Первая мировая война, которую часто называют Великой войной. Возможно, Алексиевич имеет в виду увеличивающийся зазор между собственной и всеобщей историчностью, который происходит/произошел в России. Из зазора выходят испарения — радикальные переоценки прошлого для поддержания настоящего. Такие испарения не несут ничего подлинно продуктивного, однако нельзя впадать в другую крайность — полный отказ от собственной историчности, что может привести к печальным последствиям и для будущего. Думаю, что все новые обращения к таким событиям в поиске самопонимания происходят вполне естественно и без всякого внешнего принуждения в каждой семье, где родственники принимали непосредственное участие в Великой Отечественной / Второй мировой войне.
4. Конечно. Помню, еще в школе на меня произвели большое впечатление тексты Василя Быкова: чтобы их перечитывать, требуется много моральных сил. «Лейтенантская проза» — особое явление русской литературы, хотя и вполне закономерное. Авторы, непосредственно принимавшие участие в боевых действиях, как никто другой, в художественной форме описывали происходившее, транслировали эмоции, передавая атмосферу событий. 29 марта 2020 г. ушел из жизни Юрий Бондарев — один из ярчайших представителей «лейтенантской прозы». Так получилось, что за несколько недель до его смерти я пересматривал фильмы «Горячий снег» и «Батальоны просят огня», снятые по мотивам его произведений. Удивительно, что эти фильмы лично для меня выделяются на фоне других военных. Думаю, это объясняется в первую очередь особенностями «лейтенантской прозы».
5. Я застал своего прадеда — ветерана Великой Отечественной войны. Его звали Николай Иванович Морозов. В семье мы чтим память о нем. В 1938 г. праде-

душку призвали в армию, служил он в Ленинградской области. Когда началась война с финнами, Николай Иванович принимал участие в боях, где получил ранение в ногу. Когда началась Великая Отечественная война, их воинское подразделение располагалось в Ленинграде на стадионе им. В. И. Ленина. Это была зенитная батарея, защищавшая небо над городом от авиации противника. Зимой 1942 г. истощенных и ослабленных бойцов вывезли в Костромскую область. После выздоровления прадедушка был отправлен в пехоту на Воронежский фронт, а в 1943 г. был тяжело ранен. Я помню, как он описывал рукопашный бой, происходивший в условиях плохой видимости — дым и поднимающаяся пыль застилала глаза. После выписки из госпиталя он был комиссован, так до конца жизни в костях его руки оставались застрявшие пули. Хотя он много рассказывал нам про жизнь на войне и своих боевых товарищей, только после его смерти в одном из электронных архивов мы нашли информацию об обстоятельствах боя за райцентр Шаталовка, за который прадедушка получил медаль «За отвагу» в 1943 г. Награды и ордена прадедушки хранятся нами.

Также хотел сказать о его двоюродном брате Сергее, который погиб 30 апреля 1945 г. в Берлине, будучи танкистом. Танки бригады поддерживали огнем группу, участвовавшую в штурме Рейхстага и водрузившую Знамя Победы на куполе.

6. Не могу сказать, что у меня было серьезное увлечение именно военными песнями этих авторов, хотя я их знаю. Мне кажется, что слова некоторых песен знаю наизусть, они навсегда остались в нашей культуре. Для художественного осмысления события требуется временная дистанция. Возможно, именно в 1960–1970-е гг. военные сюжеты были наиболее плодотворно отрефлексированы авторами, которые остро прочувствовали атмосферу и последствия войны. Ранее говорилось о «лейтенантской прозе» как особом явлении в русской литературе, военные песни Б. Окуджавы, В. Высоцкого, Ю. Визбора и А. Галича — явление русской музыкальной культуры. Оба явления представляют собой рефлексию в художественной форме.
7. Думаю, что глагол «купил» не совсем уместен, когда мы говорим о победе в войне. Здесь появляются нежелательные коннотации — «откупился» и т. д. Если говорить о цене, то СССР заплатил высокую цену не просто за победу, а за продолжение существования, жизни. Страна сохранилась. В принципе, оценивать оправданность в экзистенциальном вопросе крайне сложно, поэтому я хотел бы избежать такой процедуры. Согласен, что количество погибших и раненых часто становится предметом обсуждений и споров с последующими выводами. Считаю, что такие вопросы должны решаться профессиональными историками, работающими в архивах, а не политологами. История Великой Отечественной войны написана в СССР, сейчас исследователям доступен

более широкий спектр информации. Считаю, что писать необходимо о победах, поражениях и потерях, но нельзя скрывать информацию — вот основной принцип. Только тогда мы получим историю Великой Отечественной войны во всем многообразии и сложности героизма и трагедии.

8. Полагаю, что о такой тенденции, если она и существует, стоит говорить в связи с кинематографом и массовой культурой, а не профессиональными западными историками, которые якобы желают провести переоценку исторических событий вместо честного исследования. В их научной честности я не склонен сомневаться. Что же касается кинематографа и попытки нивелировать роль СССР в победе над нацизмом, то здесь скорее мы имеем дело с попыткой преувеличить и более детально в художественной форме рассмотреть свою собственную роль. Вполне естественно, что роль Другого таким образом нивелируется. Как мне видится, проблема заключается в почти полном отсутствии у современной России той самой мягкой силы — позитивного культурного влияния на международной арене. Думаю, что наша лаборатория как раз является одним из инструментов мягкой силы, способствующим открытому диалогу и обсуждению, а не обвинениям в нивелировании чьей-то исторической роли.
9. Интересно, что Эйнштейн, у которого была возможность обратиться с подобным вопросом к любому интеллектуалу его времени, выбрал именно Фрейда. Сам Эйнштейн обозначал свою позицию как воинствующий пацифизм, в начале 1930-х гг. оставаться просто пацифистом уже было недостаточно. Именно к популярному в те времена Фрейду он обратился, пытаясь понять, что же заложено в человеке, почему война — его вечная спутница. Фрейд отвечал с опорой на свою все объясняющую и нефальсифицируемую (как сказал потом Поппер) теорию Эроса и Танатоса. Танатос, или инстинкт смерти, выражается благодаря войне и насилию. Что же с этим делать? Ответ Фрейда крайне важен даже вне рассмотрения его теории: «Единственное, на что мы способны, — попытаться выпустить пар другим путем, избегая военных столкновений» (Фрейд, Эйнштейн, 2003: 10). Этому должна способствовать человеческая культура/цивилизация, которой в те годы был крайне недоволен Фрейд (трактат «Недовольство культурой» опубликован в 1930 г.). Будем ли мы когда-то довольны культурой/цивилизацией? Может ли ее развитие перебороть Танатос? Поднятые в переписке Фрейда и Эйнштейна вопросы остались открытыми, мыслители не пришли к решению проблемы войны. Сложно сказать, приблизилось ли человечество хоть на шаг к этому решению с 1930-х гг., однако надежда не угасает, что также кажется вполне естественным.

И. И. Павлов:

1. Я думаю, что значение высказывания Гераклита, как и вечная ценность произведений классической культуры, посвященных военной тематике, двойка. С одной стороны, это высказывание можно понимать буквально. С древних времен и до сегодняшних дней человечество постоянно переживает опыт войн. Меняются их политические условия, способы их ведения, но феномен не меняется.

С другой стороны, высказывание Гераклита можно (и более правильно) понимать не как относимое к войне в буквальном смысле, а как описывающее всякое столкновение, конфликт, диалектику. Понимание диалектических и конфликтных отношений важно для всех областей знания. Однако наиболее важно это понимание для тех сфер, которые могли бы предотвращать войны. Я считаю, что понимание существующих в обществе противоречий, понимание политики как постоянной возможности конфликта и во внешнеполитических отношениях, и внутри государства позволит поставить вопрос, как именно можно социально и политически оформить протекание конфликта без перехода в форму вооруженного противостояния, то есть войны. И напротив, если кто-либо пытается элиминировать из общества конфликты и разногласия, провозглашает возможность объединения всего человечества вокруг одной-единственной идеологии, такая стратегия с необходимостью приведет к конфликту с инакомыслящими и чревата вооруженным противостоянием.

Таким образом, когда мы говорим о высказывании Гераклита, мы должны различать войну как одно из проявлений социальных конфликтов и противоречий и собственно противоречия, не обязательно выплескивающиеся в виде войн. И осмысливать общественные отношения в социальной теории и политической философии, принимая во внимание постоянную возможность конфликта, — это возможность предотвратить кровопролитие. Поэтому тема конфликта и философские концепции, ставящие диалектику и плюрализм выше метафизического единства, актуальны до сих пор и, вероятнее всего, в будущем не потеряют актуальности.

2. Не будучи профессиональным историком, я предпочел бы воздержаться от спекуляций, поэтому не могу дать ответ. Тем, кому это интересно, я рекомендовал бы обратиться к освещению вопроса в профессиональной литературе. Что касается первой части вопроса, то как философ полагаю, что описанный случай — частное проявление более общего вопроса: почему в обществе существуют разделения? Причин может быть много, начиная от культурных и религиозных и заканчивая экономическими. И историк, желающий ответить на поставленный вопрос, должен учитывать все многообразие факторов. Полагаю, что неверно выделять какой-то один. К тому же нужно помнить: не всякое единство

хорошо; часто для стабильности системы необходимо именно сосуществование противоречий.

3. Я не могу ответить за всю Россию, но в целом мне понятна интенция писательницы. В последние годы мы наблюдаем все большую идеологизацию Победы. Несмотря на то, что с каждым годом живых ветеранов остается все меньше, парады Победы и другие мероприятия приобретают все больший размах. Характерен факт, что сейчас в связи с пандемией коронавируса, с введением строжайшего пропускного режима и в том числе с закрытием храмов на Страстную седмицу и Пасху в интернете мелькают новости о продолжающихся репетициях военных, связанных с Днем Победы. Эта ситуация является ненормальной и, на мой взгляд, идеологически эксплуатирует память павших воинов. Вопрос же о соотношении понятий «Вторая мировая война» и «Великая Отечественная война» для меня на данный момент довольно сложен. Полагаю, что на него также могли бы ответить историки, изучающие дискурс Победы в прошлом и в современности. Полагаю, что изучение должно удерживаться от обеих крайностей — как от умаления роли Советского Союза в победе над нацизмом, так и от отрыва отечественной памяти о Победе от мировой истории для поддержания риторики, чреватой изоляционизмом.
4. К сожалению, почти ничего не знаю, не читал.
5. На фронте воевали оба моих деда. Первый умер, когда мне был год, а второй — когда мне было пять лет (мы с ним общались всего один раз). Никаких связанных с ними легенд в нашей семье нет. Но в последние годы, с появлением акции «Бессмертный полк», моя мама стала более внимательно относиться к памяти о своем отце и рассказала мне несколько историй. Я же в первую очередь был воспитан на рассказах двух бабушек, как они трудились в тылу. Их рассказы (особенно история бабушки по маме, которая жила с нами, а в войну в 14 лет пошла работать на завод) — важная часть нашей семейной истории. Из связанных с войной вещей могу назвать только медали бабушки, дедушки и прабабушки (с маминой стороны), которые хранит моя мама.
6. Никогда не увлекался их песнями и совсем их не знаю, но скорее не в силу тематики текстов, а из-за моих музыкальных вкусов.
7. Вслед за Достоевским я считаю, что никакие человеческие жертвы и страдания никогда нельзя считать оправданными. Всякое страдание всегда катастрофа, ею не надо гордиться, о ней следует скорбеть. Я крайне негативно отношусь к современной тенденции героизации трагедии, что не отменяет подвига воинов. На войне было все: и победы, и поражения, и потери. Полагаю, что, если сами живущие ветераны имеют право чувствовать себя героями и все мы должны быть благодарны предкам, это не повод для упоения риторикой народа-победителя в забвении о трагедии.

8. Я негативно оцениваю как эти тенденции, так и обратный процесс, когда в России история Победы воспринимается в отрыве от мировой истории. Очень жаль, что опыт войны ничему не учит и даже память о войне становится поводом для столкновения национальных интересов. Хотелось бы пожелать политикам и историкам в диалоге друг с другом способствовать непредвзятому изучению прошлого и сопротивляться его идеологизации.
9. На этот вопрос я предпочел бы ответить как философ. В философии есть две крайности. Первая — фатализм: человек никак не может повлиять на свою судьбу. Вторая — игнорирование роли обстоятельств и случайностей в ходе истории. Полагаю, что мы не можем ответить, можно ли предотвратить войну, однако важно воздержаться как от взгляда на проблему через розовые очки, так и от пораженчества. Надо не спекулировать, а прикладывать усилия к минимизации возможности войны. Для этого необходимо в том числе осознавать существование конфликтов и столкновений в обществе, а также понимать психологические мотивы, приводящие к военным столкновениям, — они и обсуждаются в переписке Эйнштейна и Фрейда. Комплексная работа по решению конфликтов могла бы снизить риск новых войн, в то время как изоляционистские настроения и риторика национального превосходства толкают людей на путь агрессии.

Литература

- Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование / В. М. Андроников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин и др.; Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. — М.: Воениздат, 1993. С. 325–326.
- Куманьков А. Д. (2020) Война в XXI веке. М.: Изд. дом. Высшей школы экономики.
- Фрейд З. (1992) По ту сторону принципа удовольствия: Сб.: Пер. с нем. М. Прогресс: Литера.
- [А. Эйнштейн, З. Фрейд]. (2003) Истоки войн: Переписка между Альбертом Эйнштейном и Зигмундом Фрейдом // Экология и жизнь, № 5 (34). С. 4–11.

**WORLD WAR II
AND GREAT PATRIOTIC WAR:
ECHO OF EVENTS
(Materials of the Round Table)**

Participants of the round table are research assistants of the International Laboratory for Research of Russian and European Intellectual Dialogue:

*P. A. Blinnikova, A. A. Girinsky, A. A. Doronina, I. Yu. Ilyin,
Yu. V. Klepikova, K. A. Martemyanov, D. A. Morozov, I. I. Pavlov.*

In the modern discourse on war and cultural memory practices (Cultural Remembrance) the events of the wartime past are interpreted differently by new generations, because they did not witness these events. And those who fought and heard life stories about the war are leaving. There are not many of them left. Memory line is torn. In the context of the Western culture of “places of memory”, there was appeared the concept of “post-memory”, which characterizes the third and further generations. Modern young Europeans find new content and attitude to the events of the past in it. The editorial Board of the journal offered today’s students – undergraduates and postgraduates – some questions about the “past war” in order to understand how it is experienced and remembered in Russia.

References

- Andronikov V.M., Burikov P.D., Gurkin V.V. (1993) Grif sekretnosti snjat: poteri vooruzhennykh sil SSSR v voynah, boevykh deistviyakh i voennykh konfliktakh: statisticheskoe issledovanie [Security Code Removed. Losses of the Armed Forces of the USSR in Wars, Combat Operations and Military Conflicts. Statistical Research], Moscow: Voenizdat (In Russian).
- Kuman'kov A. D. (2020) *Vojna v XXI veke* [War in the 21st Century], Moscow: Izd. dom. Vyshej shkoly jekonomiki (In Russian).
- Frejd Z. (1992) *Po tu storonu principa udovol'stvija: Sb.: Per. s nem* [Beyond the Pleasure Principle, Compilation: Transl. from German], Moscow: Progress: Litera (In Russian).
- Frejd Z., Jejnshtejn A. *Istoki vojn: Perepiska mezhdu Al'bertom Jejnshtejnom i Zigmundom Frejdom* [The Origins of War: Correspondence between Albert Einstein and Sigmund Freud], *Jekologija i zhizn'* [Ecology and Life], 2003, no 5 (34), pp. 4–11 (In Russian).